

УДК 307

**ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****Гавриков В.П.***Институт управления, бизнеса и технологий, Калуга, e-mail: gavrikov@universitys.ru*

В статье излагаются результаты монографического исследования по теме «Теория государственно-правового регулирования»; уточняются ключевые понятия, отражающие правовые явления динамики права; предлагается новая логика их изложения, основанная на объективных закономерностях правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: социальное регулирование, толкование права, механизма правового регулирования, правоотношения, правотворчество, реализация права, юридические презумпции, фикции и преюдиции, пробелы в законодательстве, юридические коллизии, правомерное поведение, правонарушение и юридическая ответственность, законность и правопорядок, юридическая техника

THEORY OF STATE REGULATION: A SPECIAL STUDY**Gavrikov V.P.***Institute of management, business and technologies, Kaluga, e-mail: gavrikov@universitys.ru*

In the paper the results of monographic research on the topic «Theory of state and legal regulation: a new paradigm speakers right»; clarification of the key concepts that reflect the legal phenomenon of the dynamics of law; proposes a new logic of their statement, based on objective laws of legal regulation of social relations.

Keywords: Social regulation, the interpretation of law, legal regulation, legal, law-making, implementation of the law, a legal presumption, fiction and preclusion, gaps in legislation, legal conflicts, lawful behaviour, crime and legal responsibility, law and order, the legal technique

Понятие «правовое регулирование» вошло в научный оборот в 60-х годах прошлого столетия [1]. Термин «государственно-правовое регулирование» встречается лишь в отдельных работах [2], что свидетельствует о том, что он не получил пока широкого признания в отечественной юридической науке. Между тем отождествление этих понятий, вполне оправданное, как в прошлом, так и в настоящее время. Однако В.М. Сырых, говоря о ведущей роли государства в правовом регулировании, отмечает, что активную роль в правотворчестве играют также общество, его организации и объединения [3], но из этого вовсе не следует, что право может формироваться и функционировать независимо от государства. Сомнения в правомерности такого подхода, аргументируемые изменившимися представлениями о праве и тем, что право способно формироваться и функционировать, регулируя общественные отношения помимо государства и независимо от него, не выдерживают критики. Право как социальный институт не может быть независимым от государства и наоборот. Отдельные виды правотворческой деятельности действительно осуществляется с государственного дозволения либо санкционируются им, но все правовые нормы обеспечиваются принудительной силой государства.

Правовое регулирование общественных отношений занимает центральное место

в правовой действительности, характеризует динамику (действие) права, его социальное назначение. Между тем стройной теории государственно-правового регулирования в отечественной юриспруденции так и не сформировалось. Об этом в частности свидетельствуют такие факты, как отсутствие в ряде учебников по теории государства и права темы о правовом регулировании, освещение в учебниках правовых понятий динамики права в отрыве от правового регулирования, а также искаженная логика изложения научных данных о правовых явлениях. Правовые явления динамики права закономерно взаимосвязаны друг с другом и обусловлены правовым регулированием. Научное отражение этих явлений в виде взаимосвязанных понятий должно осуществляться по логике, которая определена объективными закономерностями, а они обусловлены правовым регулированием общественных отношений.

Государственно-правовое регулирование является производным понятием от социального регулирования. Эти понятия соотносятся между собой как род и вид.

Существующие в юридической литературе определения правового регулирования страдают одним общим недостатком: они не охватывают этапа правотворчества.

Так, например, С.С. Алексеев – один из первых разработчиков этой проблемы – под правовым регулированием понимает

«осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» [4].

В данном определении нет места правотворчеству, благодаря которому упорядочиваются общественные отношения, что говорит об узком смысле определяемого понятия. Но с другой стороны, под правовыми средствами С.С. Алексеев понимает «весь диапазон правовых феноменов», включая правовое сознание [5]. Далекое не все правовые феномены, на которые указывает С.С. Алексеев, предусматриваются позитивным правом. Кроме того, правовые отношения являются средством, которое должно воздействовать на сознание людей. Но правовые отношения являются разновидностью общественных отношений. Это – люди и их организации, осуществляющие взаимные субъективные права и юридические обязанности. А люди не могут быть средством. Такое противоречивое определение понятия правового регулирования в определенной степени может ввести читателя в заблуждение.

Характерно, что С.С. Алексеев и его последователи, рассматривая правовое регулирование как длящийся во времени и пространстве процесс, состоящий из нескольких стадий, включают в него и стадию правотворчества, хотя в определении данного понятия, как показано выше, правотворчество не упоминается.

В юридической литературе до настоящего времени содержатся различные суждения относительно количества и наименования стадий процесса государственно-правового регулирования. С.С. Алексеев выделяет три основных и одну факультативную стадии. К основным он относит стадию формирования и действия юридических норм, стадию возникновения прав и обязанностей (правоотношений) и стадию реализации этих прав и обязанностей. В качестве факультативной называет стадию применения права [6]. Следует заметить, что позиция С.С. Алексеева относительно количества и наименования стадий процесса правового регулирования постоянно менялась [7].

Аналогичного мнения придерживаются и последователи С.С. Алексеева: Н.Л. Гранат и В.В. Лазарев [8], А.В. Малько [9], Р.К. Русинов [10] и А.Ф. Черданцев [11]. Их позиции отличаются чисто редакцией формулировок. Они несколько иначе называют первую стадию. Так, А.В. Малько называет

её стадией издания нормы права и её общего воздействия, Р.К. Русинов – стадией возведения в закон, придания строгих юридических форм нормам права, А.Ф. Черданцев – стадией общенормативного регулирования. Но не все из них выделяют стадию применения права (Р.К. Русинов и А.Ф. Черданцев).

На это обстоятельство еще в 1976 году обратил внимание Л.С. Явич, отметив, что процесс правообразования на практике является предпосылкой и нормативной основой воздействия права на общественные отношения [12]. Эта точка зрения разделялась в свое время С.С. Алексеевым [13] и рядом других исследователей.

Иной взгляд на данный вопрос изложен В.Б. Исаковым, который выделил такие этапы процесса правового регулирования, как регламентацию общественных отношений, возникновение субъективных прав и юридических обязанностей и реализацию этих прав и обязанностей. Под регламентацией общественных отношений он подразумевает разработку юридических норм, т.е. правотворческую деятельность [14]. В.К. Бабаев, говоря о таких стадиях правового регулирования, как регламентация общественных отношений и действие юридических норм, под регламентацией понимает издание правовых норм, т.е. тоже правотворческую деятельность [15]. В.М. Сырых тоже является сторонником трех стадий правового регулирования: правотворчества, реализации норм права и применения юридической ответственности к правонарушителям [16]. Являясь последовательным сторонником теоретических положений, сформулированных С.С. Алексеевым, он правоприменение неоправданно сужает до правоохраны, которая, как известно, является разновидностью правоприменения.

Правовая регламентация общественных отношений – это процесс правотворчества, т.е. принятие и издание правовых норм. Именно правовые нормы упорядочивают, налаживают общественные отношения, поведение субъектов которых приводится в соответствие с типовой моделью поведения, содержащейся в правовых предписаниях. Эта стадия определяет весь будущий процесс правового регулирования, в который включены:

- предмет правового регулирования, т.е. круг общественных отношений, подлежащих правовому регулированию;
- субъекты права, т.е. участники регулируемых общественных отношений;
- юридические права и обязанности этих участников, т.е. их правовой статус;
- основания возникновения, изменения или прекращения правоотношений;

– неблагоприятные правовые последствия, которые могут наступить при нарушении правовых предписаний.

По мнению исследователей – эта стадия завершается официальным принятием нормативных правовых актов и введением их в действие.

С этого момента начинается вторая стадия процесса правового регулирования – стадия функционирования правовых норм, которые вызывают у конкретных лиц появление юридических прав и обязанностей. На этой стадии складываются правовые отношения.

На стадии реализации права происходит воплощение в жизнь субъективных прав и обязанностей в виде конкретных поведенческих актов.

В связи с тем, что воздействие правовых средств на сознание и волю субъектов регулируемых общественных отношений практически сливаются с реализацией права, вряд ли целесообразно действие права выделять в качестве самостоятельной стадии правового регулирования.

По нашему мнению принципиально важно в правовом регулировании выделять два этапа: правотворчество и реализацию права. В зависимости от того, включается или не включается в его состав правотворчество, меняется смысловое значение понятия «государственно-правовое регулирование».

Вряд ли целесообразно правоприменение называть факультативной стадией, так как она – одна из форм реализации права.

Сущностным признаком правового регулирования является правовое воздействие. Некоторые учёные не проводят никакого различия между правовым регулированием и правовым воздействием. Но согласно наиболее распространённой точке зрения, понятие «правовое воздействие» более широкое, чем понятие «правовое регулирование», потому что наряду с правовым регулированием существует также идеологическое воздействие права на общественные отношения.

По мнению С.А. Комарова, правовое воздействие – это результативное, нормативно-организационное влияние на общественные отношения как специальной системы собственно правовых средств (норм права, правоотношений, актов реализации и применения), так и иных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых принципов, правотворческого процесса) [17].

Действительно, правовые явления – это средства воздействия на субъектов права и когда они не вступают друг с другом в правоотношения, например при правовом

воспитании с помощью средств массовой информации. Но если правосознание является элементом правовой культуры, то, видимо, нет необходимости указывать его в качестве самостоятельного средства.

Вызывает сомнение и набор «собственных правовых средств». Вряд ли правоотношения и поведенческие акты (акты реализации права и акты применения права) можно рассматривать в качестве средств правового воздействия. Они – скорее последствия такого воздействия. Данное обстоятельство следует и из форм правового воздействия, к числу которых относятся:

а) информационное воздействие, заключающееся в доведении нормативных правовых актов до участников общественных отношений, т.е. в доведении правовой информации о требуемом, дозволенном и запрещённом поведении, о правомерных средствах достижения необходимых результатов, о последствиях нарушения юридических норм;

б) ценностно-ориентационное воздействие, когда право способствует формированию и утверждению в сознании людей ценностных представлений, воспитанию у них должного образа поведения, влияет на принятую ими систему ценностей;

в) непосредственное правовое воздействие при помощи системы правовых средств, входящих в механизм правового регулирования.

Таким образом, информационное и ценностно-ориентационное воздействие права в своей основе имеет идеологический характер и относится в основном к той стороне правовой действительности, которая выступает в качестве общественного сознания и воплощается главным образом в правовом воспитании, а непосредственное воздействие права связано с правовым регулированием.

Но правовое воздействие на субъектов общественных отношений осуществляется не только правовыми предписаниями, содержащимися в нормах права, но и предписаниями, содержащимися в договорах и правоприменительных актах. Очевидно, что такое воздействие имеет вторичный характер, ведь и договоры и правоприменительные акты обусловлены нормами права.

Общественные отношения, находящиеся под воздействием права образуют предмет правового регулирования. При этом необходимо иметь в виду, что они являются предметом правового регулирования в той мере, в которой они имеют волевой характер, т.е. выступают в виде волевого поведения, потому что право со своим комплексом средств воздействия может влиять

на общественную жизнь только через волю и сознание людей.

Волевое поведение как предмет правового регулирования имеет различные уровни: отдельная юридическая норма регулирует поведение на уровне действия; институт права – на уровне поступка; отрасль права – на уровне деятельности.

Дискуссионным в теории права является и вопрос о правовых средствах воздействия в правовом регулировании. Например, Н.И. Матузов и А.В. Малько подразделяют юридические средства воздействия в правовом регулировании на средства-установления (инструменты) и средства – деяния (технология)[18]. Такая точка зрения в науке разделяется не всеми авторами. Например, П.М. Недбайло и П.М. Рабинович не признают наличия правовых средств-деяний в правовом регулировании. Другие авторы (С.С. Алексеев, В.А. Сапун и др.) занимают двойственную позицию. С одной стороны они включают в правовое регулирование акты реализации прав и обязанностей субъектов общественных отношений, а с другой – не признают их в качестве фактических правовых средств воздействия в правовом регулировании.

Нам представляется, что в данном случае нужно исходить из концепции позитивного права. Тогда правовыми средствами воздействия в правовом регулировании являются закрепленные в нормативных правовых и индивидуальных правовых актах, а также в договорах, соглашениях сведения о юридических фактах, субъективных правах, обязанностях, льготах, поощрениях, запретах и других правовых предписаниях. Именно они воздействуют на сознание и волю субъектов общественных отношений и вызывают определенные деяния с их стороны.

Изложенное позволяет сформулировать основные черты правового регулирования. Во-первых, это определенное воздействие права на общественные отношения. Во-вторых, предметом воздействия являются общественные отношения, имеющие имущественный, управленческий и охранительный характер. В-третьих, в основном, в главном воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств осуществляется государством с целью их упорядочения, а в деталях субъекты общественных отношений сами устанавливают правила своего взаимного поведения, но с дозволения государства. Типичным примером саморегулирования является заключение договора между сторонами, который предусматривает их взаимные права и обязанности, а также меры ответственности

за неисполнение договора. Эти меры обеспечиваются принудительной силой государства. Цель правового регулирования состоит в том, чтобы поведение и действия людей совершались в соответствии с нормами права, чтобы в результате действия норм социальные процессы протекали в направлениях, выгодных обществу. В результате такого воздействия в обществе складывается определенный правопорядок.

Анализ существующих взглядов на проблему понятия правового регулирования позволяет сформулировать его следующее определение: «Правовое регулирование – это результативное правовое воздействие государства на общественные отношения в целях их упорядочения и установления правопорядка в обществе посредством правотворчества и реализации права».

В зависимости от средств воздействия на субъектов общественных отношений правовое регулирование подразделяется на два вида или две формы: нормативно-правовое и индивидуально-правовое регулирование. В нормативно-правовом регулировании воздействие осуществляется правовыми предписаниями, содержащимися в нормах права. При индивидуально-правовом или казуально-правовом регулировании воздействие осуществляется правовыми средствами, содержащимися в казуальных правовых актах (договорах, локальных актах и т.п.). Нормативно-правовое регулирование является первичным, именно с него начинается правовое воздействие, рассчитанное на неопределенное число *типичных ситуаций* и на упорядочение поведения *неопределенного круга лиц*. Казуально-правовое регулирование обусловлено нормами права и дополняет нормативно-правовое регулирование *в конкретных ситуациях* и упорядочивает поведение *конкретных лиц*. Например, в соответствии с федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензирование как правовой институт представляет собой систему правовых норм, регулирующих отношения в области предоставления, отзыва, аннулирования, приостановления действия лицензий, а также надзора за экономическими субъектами по соблюдению лицензионных требований, привлечения к ответственности нарушителей этих требований. Осуществляя надзор за соблюдением лицензионных требований, лицензирующий орган вправе издавать распоряжения, обязательные для исполнения лицензиатом. Требования, содержащиеся в распоряжении, воздействуют на обладателя лицензии и направляют его поведение в нужном направлении. Точно также федеральный закон

«О рекламе» предназначен для регулирования общественных отношений, возникающих и развивающихся в процессе рекламной деятельности. А антимонопольный орган, осуществляющий контроль за этой деятельностью, вправе выдавать рекламодателям и другим субъектам рекламной деятельности обязательные для исполнения предписания о прекращении нарушения законодательства о рекламе. Таким образом, правовые предписания, содержащиеся в законодательстве, воздействуют на неопределенный круг субъектов общественных отношений, а властные предписания правоприменительных актов, изданных на основании норм, содержащихся в федеральных законах, воздействуют на конкретных субъектов и упорядочивают их поведение.

Традиционно в юридической литературе различают императивные и диспозитивные методы правового регулирования. В отдельных изданиях говорится о рекомендательных и поощрительных методах правового регулирования. Однако на проверку рекомендательные и поощрительные методы по существу являются разновидностями диспозитивного метода правового регулирования. Вместе с тем императивный и диспозитивный методы правового регулирования в чистом виде ни в одной отрасли права не используются. Всегда существует их сочетание. В связи с данным обстоятельством возникает необходимость введения в научный оборот понятия отраслевого метода правового регулирования, под которым понимается неповторимая совокупность императивности и диспозитивности в воздействии правовых предписаний на сознание и волю субъектов общественных отношений.

Тема способов и методов правового регулирования непосредственно связана с правовыми стимулами и ограничениями. Теория стимулов и ограничений разработана профессором А.В. Малько [19]. Только он стимулы и ограничения связывает непосредственно с правомерным поведением, а ведь они имеют значение для правового регулирования в целом, для способов и методов его осуществления.

Комбинации императивности и диспозитивности, как правило, являются составными частями правовых режимов.

Правовой режим – это совокупность средств, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели. Это специфический вид правового регулирования, который выражен в своеобразном комплексе дозволений, запретов, обязываний, правовых стимулов и правовых ограничений, общедозволительного и разрешительного порядка регулирования и др. Правовой режим

выражает степень жесткости юридического регулирования, наличие известных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности.

Различные сферы общественных отношений требуют разного сочетания способов, методов и типов правового регулирования.

В зависимости от доминирующих средств, правовые режимы могут быть стимулирующими или ограничивающими.

Выбор правового режима находится в зависимости как от законодательной политики, так и определяется технико-юридическими особенностями конструирования законодательного акта.

Наиболее распространенными в юридической практике являются режим исключения и его разновидность – режим установления исчерпывающего перечня.

В учебниках по теории государства и права понятие толкования права и содержание этого понятия излагаются автономно, в отрыве от понятия правового регулирования. Но ни правотворчество, ни реализация права (эти этапы правового регулирования) не могут осуществляться без толкования норм права. В связи с данным обстоятельством предлагается толкование права рассматривать в качестве инструмента правового регулирования.

В теории права результаты нормативного толкования получили название интерпретационных норм, не имеющих самостоятельного значения в правовом регулировании, а действующих в совокупности с регулятивными и охранительными нормами права, т.е. с теми нормами права, которые подверглись толкованию. Интерпретационные нормы содержатся в интерпретационных актах правотворчества: в постановлениях Конституционного Суда РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, которые являются источниками права.

Результаты казуального толкования тоже имеют обязательный характер, они содержатся в интерпретационных актах правоприменения, их исполнение тоже обеспечивается принудительной силой государства, но они обращены к конкретным субъектам права, действующим в рамках конкретного юридического дела.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ содержат руководящие разъяснения по применению нижестоящими судами действующего законодательства. Такие разъяснения обязательны не только для нижестоящих судов, но и для всех субъектов права, а постановления Пленума Верховного Суда большинство авторов считают источниками права. Субъекты права ис-

пользуют их при реализации норм права, так как они являются правовыми средствами нормативно-правового регулирования общественных отношений.

Сложнее обстоит дело с постановлениями Конституционного Суда РФ, которые содержат как результаты нормативного, так и казуального толкования. Для их уяснения обратимся к компетенции этого органа.

Согласно ст.3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд имеет четыре группы полномочий: разрешает дела о соответствии Конституции РФ; разрешает споры о компетенции; по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного в конкретном деле и дает толкование Конституции Российской Федерации.

Все полномочия Конституционного Суда непосредственно связаны с Конституцией РФ, которая априорно считается правовым законом. Эти полномочия он реализует в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

В соответствии с ч.1 ст. 79 ФКЗ о Конституционном Суде его решения являются окончательными и обжалованию не подлежат.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ как субъект толкования правовых норм обладает уникальным правовым статусом, которым не обладает никакой другой орган государства. Конституционный Суд дает толкование правовых норм в связи с их конституционностью и в форме конституционного судопроизводства.

Что касается реализации его полномочий относительно толкования Конституции Российской Федерации, то здесь все ясно: результаты такого толкования содержат интерпретационные нормы, они излагаются в его постановлениях, которые большинством авторов расцениваются как специфические источники права. Именно в них излагается правовая позиция Конституционного Суда относительно смысла положений Конституции РФ и конституционности применяемых законов.

Под правовой позицией Конституционного Суда в литературе понимается результат истолкования Судом положений Конституции и других нормативных правовых актов, отражающий аргументированные суждения и выводы Суда, из которых он исходит при разрешении конкретных конституционно-правовых ситуаций [21]. Но,

на наш взгляд, более предпочтительной является определение, сформулированное В.В. Лазаревым, который рассматривает правовую позицию, содержащуюся в решениях Конституционного Суда, как нормативно-интерпретационные установления, содержащие толкование конституционных принципов и норм либо выявляющие конституционно-правовой смысл закона, на которых основаны итоговые выводы решений, как образец (правило), которым должны руководствоваться законодательные, судебные и иные органы, а также должностные лица при решении вопросов в рамках своей компетенции [22]. Именно закрепление правовых позиций как нормативно-интерпретационных установлений в решениях Конституционного Суда в единстве с нормативными предписаниями резолютивной части придает этим решениям качество не индивидуального правоприменительного, а нормативно-интерпретационного акта.

Однако Конституционный Суд разъясняет конституционный смысл законов не только в итоговых решениях, которые излагаются в постановлениях, но и в иных решениях, принимаемых в процессе конституционного судопроизводства и излагаемых в определениях Суда по конкретному юридическому делу. Но официальное казуальное толкование Конституционного Суда существенно отличается от казуального судебного толкования, осуществляемого судом общей и арбитражной юрисдикции в процессе правоприменения, т.е. отличается от правоприменительного толкования. Так, общий характер правовых позиций означает их распространение не только на конкретный случай, который был предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, но и на все аналогичные ситуации. Например, признание неконституционной нормы закона одного субъекта РФ распространяется на аналогичные нормы законодательства всех других субъектов Федерации, что прямо подтверждается в решениях Конституционного Суда РФ: «...положения мотивировочной части решения Конституционного Суда, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Суда, сформулированные в резолютивной части этого же решения, отражают правовую позицию Конституционного Суда и также носят обязательный характер» [23]. В этом проявляется их нормативность и прецедентность.

Таким образом, постановления Конституционного Суда РФ, в которых содержатся интерпретационные нормы права как результаты нормативного толкования

положений Конституции РФ, являются интерпретационным источником права в силу его общеобязательности и распространения на всех субъектов права. Определения же Конституционного суда, в которых содержатся результаты казуального толкования законодательных положений, обладают свойством прецедентности и должны распространяться не только на субъектов права по конкретному юридическому делу (подавателей жалобы), но и на субъектов права по аналогичным делам. Представляется, что их можно назвать интерпретационно-прецедентными источниками права.

Однако как в теории, так и на практике не все разделяют данные взгляды. Одни суды общей и арбитражной юрисдикции при осуществлении правосудия не обращают внимания на правовые позиции Конституционного Суда, изложенные в его определениях, а другие руководствуются ими, и в этих целях составляют обзоры правовых позиций Конституционного Суда РФ, например, по вопросам применения норм уголовного и уголовно-процессуального права. Тем не менее проблема реализации правовых позиций Конституционного Суда РФ в правовом регулировании продолжает иметь как теоретическое, так и практическое значение. Разрешить эту проблему может следующий аргумент. При выработке своих правовых позиций Конституционный Суд в открытом заседании осуществляет системное толкование многих норм, причем из различных отраслей законодательства. На их основании формируется правовая позиция, обязательность которой ни у кого не вызывает сомнений. Если правовая позиция (выводное знание) обязательна, то и ее основания (результаты казуального толкования различных норм права) тоже обязательны и могут использоваться в правовом регулировании в качестве правовых средств. Здесь уместно провести аналогию с проверкой и оценкой судом заключения эксперта. Заключение эксперта – это выводное знание, которое считается доказательством, если методы исследования и его результаты правомерны и содержат объективные сведения. Судом проверяется истинность методов исследования и процедурность полученных с их помощью результатов.

Понятие механизма правового регулирования является производным от понятия правового регулирования. В литературе неоднократно предпринимались попытки раскрыть через данное понятие механизм правового воздействия на субъектов общественных отношений. Но этого сделать в принципе невозможно, так как механизм правового воздействия имеет психологи-

ческую природу, связан с восприятием правовых средств и формированием мотива будущего поведения субъектов общественных отношений. По нашему мнению, единственное назначение понятия механизма правового регулирования заключается в объяснении структуры правового регулирования. Значение понятия механизма правового регулирования заключается в том, что оно показывает динамику права от зарождения правовых норм до их воплощения в реальные поведенческие акты субъектов общественных отношений.

Описывая механизм правового регулирования, некоторые авторы в качестве его признаков называют свойства понятия правового регулирования [24]. Но ведь свойства родового понятия, каковым является правовое регулирование, никак не дифференцируют производное от него понятие механизма правового регулирования. Поэтому большинство авторов понятие механизма правового регулирования связывают с его стадиями, со структурными элементами правового регулирования.

Многие авторы, признающие правотворческий процесс в качестве начальной стадии правового регулирования, начинают анализировать его механизм почему-то с правовых средств, чаще всего с норм права. Например, С.С. Алексеев выделяет три основных звена механизма правового регулирования: 1) юридические нормы, как основу правового регулирования; 2) правовые отношения, субъективные права и юридические обязанности, переводящие правовую энергию юридических норм на уровень конкретных субъектов-носителей прав и обязанностей; 3) акты реализации прав и обязанностей [25]. Он также допускает в ряде случаев четвертое звено механизма правового регулирования – «акты применения права, а также индивидуальные акты, противоположения практики и др.» [25].

С этим положением согласиться нельзя, так как концептуально к правовому регулированию законодатель приступает еще с формулирования идеи законопроекта и определения его предмета регулирования.

В юридической литературе чаще всего указывается на эти четыре стадии механизма правового регулирования. При этом правоприменительный акт, как правило охранительного характера, называется факультативным элементом или звеном механизма правового регулирования. Более того, многие авторы даже не упоминают юридические факты в структуре механизма правового регулирования, а ведь без них правоотношения возникнуть не могут.

Нельзя согласиться и с факультативным звеном механизма правового регулирования, так как в правовой действительности проявляются три его разновидности или модели, на которые совершенно справедливо обращает внимание Ж.Б. Дорожиев [26]. Первая модель механизма правового регулирования состоит из: 1) стадии правовой регламентации; 2) стадии действия права и 3) стадии реализации права. Вторая модель состоит из: 1) стадии правовой регламентации; 2) стадии применения права; 3) стадии действия права; 4) стадии реализации права. Третья модель тоже состоит из четырех стадий: 1) стадии правовой регламентации; 2) стадии действия права; 3) стадии применения права и 4) стадии реализации права.

Опять-таки необходимо отметить, что такая градация стадий механизма правового регулирования является условной, так как правовое регулирование это бесконечно длящийся юридический процесс, на различных пространственно-временных отрезках которого механизм правового регулирования приобретает то одну, то другую модель. Но во всех случаях его началом является правотворчество, а концом – реализация права, особой формой которой является применение права. Кроме того, вряд ли целесообразно в механизме правового регулирования выделять стадии, так как стадию правотворчества в структурном отношении тоже можно разделить на два этапа, каждый из которых состоит из четырех стадий, а правоприменение состоит, как минимум, из трех стадий. Термин «стадия» больше применим к практической деятельности, длящейся во времени и пространстве (например к правотворческой деятельности или деятельности, связанной с реализацией права).

Анализ существующих точек зрения позволяет сделать вывод о наличии в структуре механизма правового регулирования трех элементов: правотворчества или правовой регламентации общественных отношений; субъективации права и реализации права.

Таким образом, механизм правового регулирования представляет собой структурную характеристику правового регулирования, состоящую из правотворчества, субъективации объективного права и реализации права.

Традиционно вопросы правотворчества в учебной литературе рассматриваются автономно без обозначения взаимосвязей с правовым регулированием. Тем самым нарушаются объективно существующие взаимосвязи правовых явлений и процессов в процедурах правового регулирования.

Являясь началом правового регулирования общественных отношений, правотвор-

чество определяет, индивидуализирует эти отношения в качестве предмета правового регулирования, определяет способы, методы и типы правового регулирования, т.е. закладывает основу для его осуществления. От того, насколько оптимально решены данные вопросы в процессе правотворчества, зависит эффективность правового регулирования.

Правотворчество – это институциональная деятельность государственных и иных органов по формированию, принятию, изменению и отмене нормативных правовых актов, осуществляемая с соблюдением процессуальной процедур, а также по заключению договоров, содержащих нормы права,

Главными субъектами правотворческой деятельности являются органы государства. В качестве иных субъектов правотворчества выступают общественно – политические организации, органы местного самоуправления, профсоюзы и т.п., наделенные государством соответствующими полномочиями.

Вопросы субъективации права косвенно рассматриваются в учебниках по теории государства и права при освещении соотношения объективного и субъективного права. Так, например, М.И. Абдуллаев считает, что диалектическое взаимодействие субъективного и объективного права является «структурным стержнем эффективного действия механизма правового регулирования общественных отношений» [27]. Теоретическая разработка процессов субъективации права в правовом регулировании осуществлена Р. В. Скиндревым [28].

Субъективация права представляет собой процесс трансформации объективного права, т.е. правовых предписаний, обращенных к неопределенному кругу лиц, в субъективные права и юридические обязанности конкретных субъектов общественных отношений.

Те дозволения, позитивные обязывания и запреты, те стимулы и ограничения, сформулированные в абстрактной норме права, благодаря юридическим фактам, на которые указывается в гипотезе правовой нормы, субъективируются для совершенно конкретных субъектов, вступающих в правоотношения. Иными словами – происходит возникновение, изменение и прекращение правоотношений. Таким образом, чтобы правоотношения возникли необходимо наличие такой специальной предпосылки, как юридический факт.

Именно динамика правоотношений, т.е. их возникновение, изменение и прекращение происходит от субъективации правовых предписаний, содержащихся в нормах объективного права. Став субъективными

правами и юридическими обязанностями участников конкретных общественных отношений, дозволения, позитивные обязывания и запреты предопределяют мотивацию и конкретное поведение субъектов права. Но субъективируются не только положения диспозиции правовой нормы, но и меры государственного воздействия, содержащиеся в санкции правовой нормы.

В юридической литературе существует множество подходов к определению понятия правоотношения. Этому вопросу посвящены специальные исследования, результаты которых затем нашли свое отражение в учебной литературе[30]. Так, в одном случае под правовым отношением понимают специфическую связь между правом и юридической обязанностью, их соотношение; в другом – отдельное положение субъекта права в правовой структуре; в третьем – под правовым отношением понимается общественное отношение, урегулированное нормой права[31].

Однако в учебной литературе существуют и суждения о генетическом подходе к пониманию правоотношения. Так, например, М.И. Абдулаев пишет: «Правоотношения – это генетическая клетка (зародыш) права. Сначала возникают конкретные правоотношения, а потом издается правовая норма... Нет таких правоотношений, которые бы всецело и исключительно определялись только правовыми нормами и в которых субъекты этих отношений требовали бы друг от друга и делали бы друг другу только то, на что они уполномочены и к чему их обязывает закон»[32]. Данные суждения он пытается обосновать различиями в правопонимании.

Нам представляется более правильным раскрытие данного понятия, как впрочем и всех других, из концепции позитивного права, когда правовые предписания, содержащиеся в нормах права, предшествуют возникновению правовых отношений. Правоотношения тесно взаимосвязаны с правовым воздействием в правовом регулировании. Именно с этих позиций и необходимо рассматривать понятие правоотношения.

Правовое отношение – это общественное отношение, возникающее на основе субъективации норм права, в результате чего их участники приобретают субъективные права и юридические обязанности, обеспечиваемые государством. Или, проще говоря, правоотношения – это общественные отношения, урегулированные нормами права.

Реализация права представляет собой третий элемент механизма правового регулирования и второй, заключительный этап правового регулирования, когда правовые

предписания объективного права субъективировались и стали субъективными правами и юридическими обязанностями субъектов правовых отношений. При раскрытии содержания вопросов реализации права важно уяснить их объективные взаимосвязи со способами, методами и типами правового регулирования общественных отношений, а также с правовыми стимулами и ограничениями, содержащимися в субъективированных правовых предписаниях.

Реализация права характеризует правовое регулирование с точки зрения его фактического итога. Она проявляется в фактическом поведении участников общественных отношений, в которых реально воплощаются требования юридических норм и предоставляемые ими возможности.

Особой формой реализации права является правоприменение, под которым в литературе понимается властная деятельность компетентных государственных органов по реализации правовых предписаний относительно конкретных жизненных случаев и индивидуально определенных лиц (физических и юридических). Эта деятельность имеет пространственно-временную характеристику, состоит из системы юридических действий, которые образуют, как минимум, три стадии: сбор и анализ фактических обстоятельств (установление фактической стороны дела), юридическая квалификация собранных данных (установление юридической стороны дела) и принятие решения на основе правовых предписаний.

Негативными факторами правоприменения являются пробелы законодательства и коллизии правовых норм. В юридической литературе часто используется термин «пробельность права», что обусловлено различными подходами в правопонимании. Если право является объективным социальным явлением или институтом, то оно не может быть пробельным либо речь должна идти о пробелах позитивного права, т.е. закрепленного в законодательстве.

Вопрос о юридических коллизиях теоретически разработан Ю.А.Тихомировым [33]. Юридическую коллизию автор рассматривает как противоречие между существующими правовыми актами и институтами, правопорядком и притязаниями и действиями по их изменению, признанию или отторжению, как классическое противоречие между «сущим» и «должным». Само возникновение коллизии он рассматривает как сбой в действии того или иного правового регулятора, и этот сбой необходимо устранить.

Существенную роль в применении норм права играют юридические презумпции,

фигции и преюдиции. Между тем вопрос о юридических презумпциях и фикциях в действующих учебниках по теории государства освещается недостаточно[34]. Более того, во многих учебниках эти вопросы практически не освещаются, а между тем в правовом регулировании они занимают не последнее место. Крайне мало и специальных исследований по данной проблематике. И в прошлом и в настоящее время эти исследования имеют отраслевое значение[35].

Однако теоретическое исследование юридических презумпций применительно для правового регулирования общественных отношений в целом проведено В.К. Бабаевым еще более сорока лет назад[36]. Несмотря на то, что отдельные положения данного исследования воспринимаются неоднозначно, его основные результаты достойны включения в учебники по теории государства и права.

Если правовая презумпция -это закрепленное в правовых нормах и подтвержденное опытом предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между этими предположениями и реальностью, то правовая фикция – это положение, которое в действительности не существует, но которому право в установленных юридических процедурах придало значение факта.

Преюдиция – это тоже сложное и малоисследованное правовое явление, определение которого не имеет однозначного понимания в науке современного российского права и не содержится в нормах ни одной из его отраслей. Это- обязательность в процессуальном праве для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо делу.

Формирование мотива поведения субъектов общественных отношений при субъективации правовых предписаний объективного права обуславливает результаты правового регулирования: поведение субъектов общественных отношений становится правомерным или противоправным.

При этом правомерное поведение определяется как как общественно-необходимое и преимущественно полезное, желательное или допустимое поведение граждан и коллективов, гарантируемое и охраняемое государством и состоящее в реализации предписаний норм права. Правомерное поведение проявляется в таких формах реализации права, как использование, исполнение и соблюдение правовых предписаний.

Однако при наличие у субъектов общественных отношений отрицательных соци-

альных установок либо вследствие деформации правосознания, при субъективации правовых предписаний объективного права у них формируется мотив на поведение, противоречащее этим предписаниям. Такое поведение называется правонарушением, т.е. общественно-вредным, противоправным, виновным и наказуемым деянием, а его состав является основанием для привлечения виновного субъекта к юридической ответственности.

Юридическая ответственность является сложным социально-правовым явлением. С одной стороны его можно рассматривать как ответную реакцию государства на совершенное правонарушение в виде специальных мер государственного принуждения, а с другой – предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные для себя последствия таких мер.

Единственным основанием юридической ответственности является состав правонарушения, т.е. наличие объективных и субъективных признаков правонарушения, которые и обуславливают принципы юридической ответственности. К их числу относятся: ответственность только за противоправное деяние, ответственность лишь при наличие вины, принцип законности, принцип справедливости, целесообразность ответственности, неотвратимость юридической ответственности.

Механизм юридической ответственности имеет две группы мер: например, меры привлечения к уголовной ответственности, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права, и меры применения уголовного наказания, предусмотренные нормами уголовно-исполнительного права. Аналогично две группы мер проявляются в механизме иных видов юридической ответственности.

Но начиная с 60-х годов прошлого века в научный оборот вводится понятие позитивной юридической ответственности. В связи с этим юридическая ответственность делится на негативную (ретроспективную) и позитивную (проспективную). Научные споры по этому поводу не прекращаются до настоящего времени. И прав М.И. Байтин, когда пишет: «смешение понятий юридической (ретроспективной) и позитивной (проспективной) ответственности, ориентирующее на растворение юридической ответственности в нравственной и других видах социальной ответственности, мало что дает в научном и практическом отношении, но вносит изрядную путаницу в юриспруденцию» [36].

В учебниках по теории государства и права понятия законности и правопоряд-

ка также не связываются с правовым регулированием общественных отношений, а освещаются автономно. Дискуссионность взглядов на эти явления существует и до настоящего времени.

С появлением понятия правового закона возникла необходимость уточнения и понятия законности. Так, Н.В. Витрук определяет законность как идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства, в самом законодательстве, в подзаконном нормотворчестве [37], В.Н. Кудрявцев – как определенный режим общественной жизни, метод государственного руководства, состоящий в организации общественных отношений посредством издания и неуклонного осуществления законов и других правовых актов [38].

Еще раньше в разное время законность определялась как режим, как метод, как средство, как принцип, как способ, как орудие, как функция, как требование и обеспечение, как система организации, как форма и т. д. [39], что являлось следствием исследования отдельных аспектов данной проблемы.

И в настоящее время единого понимания законности в публикациях авторов не наблюдается, но предложен некий комплексный подход к определению данного понятия, т.е. трактовка законности в трех аспектах: как принцип государственно-правовой жизни, как метод государственного руководства обществом и как режим жизни общества [40]. Но при таком подходе аспектность исследования данного понятия не устраняется, а подтверждается. Более того, происходит своего рода подмена понятий. Так, под принципом законности понимается строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права правовых предписаний, содержащихся в нормах права, т.е. речь идет о различных формах реализации права, о заключительном этапе правового регулирования. Законность как метод государственного руководства обществом означает нечто иное, как воздействие с помощью правовых предписаний-тех дозволений, позитивных обязываний и юридических запретов на сознание и волю субъектов общественных отношений. Управляющее воздействие на общество в данном случае осуществляется с помощью способов правового регулирования. Законность как режим общественной жизни представляет собой режим реального выражения права в законах государства, в самом законодательстве, в подзаконном нормотворчестве и в повсеместном исполнении законов. Данное определение охватывает своим содержи-

ем понятие правового регулирования: все его этапы и стадии. Поэтому существующие трактовки понятия законности есть условность (фикция), существенно отличающаяся от правовой реальной.

Все существующие определения данного понятия свидетельствуют о его неразрывной связи с правовым регулированием: и с правотворчеством, и с реализацией права. Данное обстоятельство позволяет рассматривать законность в качестве свойства правового регулирования, отражающего его перманентное состояние. Иными словами: законность – это перманентное состояние правового регулирования, т.е. совокупность основных параметров и характеристик регламентации общественных отношений, а также реализации субъективных прав и выполнения юридических обязанностей их субъектов.

Таким образом, законность можно определить как перманентное состояние правового регулирования общественных отношений, представляющего собой совокупность основных параметров и характеристик правотворчества и реализации права.

Рассматриваемый подход к определению законности ставит под сомнение утверждение о том, что оно – самостоятельное политико-правовое явление. Законности вне правового регулирования не существует. Она – не деятельность по формированию и реализации права, но свойство этой деятельности в виде некоего перманентного состояния.

Следовательно, можно сделать вывод, что в теории права возникает необходимость в новой парадигме законности, понятие которого необходимо исследовать в непосредственной взаимосвязи с теорией правового регулирования в качестве его перманентного состояния.

Почти все авторы при рассмотрении понятия правопорядка определяют его в качестве части общественного порядка. Общественный порядок – это система упорядоченных стабильных общественных отношений, сложившихся под воздействием социальных норм. Правопорядок складывается под воздействием правовых норм и составляет ядро общественного порядка.

Теоретических работ, посвященных разработке понятия правопорядка не много, да и то они относятся к советскому периоду развития отечественной юриспруденции [41].

Анализируя существующие представления о понятии и содержании правопорядка, В.В. Борисов отмечает, что в теоретических рассуждениях авторов говорится «...о совокупности, системе правовых отношений, порядке в них, о реализованности законно-

сти или права, о подчиненности субъектов правовым предписаниям и их взаимных отношениях, о формах реализации права и воплощении законности в реальных отношениях, о состоянии упорядоченности общественных отношений, основанных на праве и т.д. и т.п.» [42].

Подобное многообразие подходов в определении понятия и содержания правопорядка привели указанного автора к следующим справедливым выводам: о слабой разработанности теории правопорядка; о недопустимости отождествления данного понятия с совокупностью или системой правовых отношений, с правом и законностью, с правовым режимом и т.п.; об односторонности в исследованиях данного понятия; о необходимости исследования правопорядка как целостного и оформленного образования [42].

Подход В.В. Борисова в изложении понятия и содержания правопорядка как государственно-правового явления носит комплексный характер, но он не связывает напрямую данное понятие с правовым регулированием общественных отношений. Правопорядок по В.В. Борисову «...возникает и существует там и тогда, где и когда возникает государственная власть, которая в нем заинтересована. Она устанавливает и поддерживает его, охраняет от нарушений, а в необходимых случаях защищает имеющейся в ее распоряжения принудительной силой» [42]. С данным утверждением трудно спорить. Но где здесь правовое регулирование? Ведь как и законность, правопорядок вне правового регулирования немислим, так как является его свойством. О правопорядке можно говорить и в процессе правотворчества, и в процессе реализации права. Однако по контексту изложения у данного автора эта связь все же просматривается. Так, он, в частности пишет: «Юридические качества и свойства правопорядка получает от законов, от тех правовых идей, принципов, деятельности и институтов, которые использует государственная власть. Он тесно связан с правовой идеологией и психологией, с сущностью и формами права, с правотворческим и правореализационным процессами, с правосудием и законностью. Получая от них многое, он сам выступает одним из их свойств, ибо право, правотворчество и правореализация, правовые принципы и их воплощение в жизнь имеют одно из существенных свойств – упорядоченность» [42]. Важность этого диалектического свойства правопорядка трудно переоценить. И все же изложение понятия правопорядка необходимо вести в непо-

средственной связи с правовым регулированием.

Из определения правового регулирования общественных отношений видно, что оно осуществляется для их упорядочения в соответствии с правовыми предписаниями, с дозволениями, позитивными обязательствами и юридическими запретами, с правовыми стимулами и ограничениями, содержащимися в правовых нормах. Таким образом, правопорядок общественной жизни как цель правового регулирования формируется еще на этапе правотворчества. Его основа формулируется в правовых нормах, легитимность которых во многом зависит от упорядоченности процесса правотворчества. С одной стороны, цель правового регулирования задается в правовых нормах, а с другой – их легитимность определяется правопорядком в правотворчестве.

Правопорядок как результат правового регулирования непосредственно связан с его завершающим этапом: реализацией правовых предписаний, когда общественные отношения становятся упорядоченными.

И на этапе правотворчества, и на этапе реализации права перманентное состояние правового регулирования, которое мы называем законностью, становится возможным лишь при наличии правопорядка, и -наоборот.

Вместе с тем необходимо отметить, что в юридической литературе понятие правопорядка исследуется преимущественно как автономное образование, вследствие чего по поводу его содержания высказываются спорные суждения. Например, под содержанием правопорядка понимается система правовых и неправовых структур, элементов и процессов, взаимосвязи с экономикой, политикой, культурой и идеологией [43]. Если правопорядок является свойством правового регулирования, то наличие в его содержании неправовых структур является сомнительным.

Любопытным представляется юридическое содержание правопорядка как совокупного результата реализованности права и законности, системы правовых отношений и связей, упорядоченности и урегулированности правовых элементов, процессов, отношений и связей [43]. А структурная характеристика правопорядка представлена следующими элементами: 1) закрепленная нормами права правовая структура общества, куда входят государство, его органы, организации и учреждения, негосударственные образования, другие объединения людей, а также индивиды – словом все субъекты права; 2) правовые отношения и связи субъектов права, последовательность их возникновения, развития, изменения

и прекращения, т.е. динамический аспект взаимодействия структурных элементов; 3) упорядоченность элементов структуры, порождающие атрибутивные элементы правопорядка [43].

Под формой правопорядка понимается правовое оформление его содержания. Имеются в виду оформление внутренней организации и внешнего проявления его структурных элементов, все его статические элементы и характеристики, выраженные в нормах материального права, функционирование структурных элементов правопорядка, т.е. все динамические процессы и характеристики правопорядка, выраженные в нормах процессуального права, а также определенные формы поведения участников правопорядка, которые оформляют его.

К изложенному следует добавить, что содержание, структура и форма правопорядка определяются процедурами правового регулирования общественных отношений, так как вне правового регулирования правопорядка не существует. По этой же причине бессмысленно говорить о функциях и принципах правопорядка, являющегося целью и результатом правового регулирования общественных отношений. Освещение понятий законности и правопорядка в отечественной юриспруденции в отрыве от теории правового регулирования по нашему мнению осуществлялось в связи с недостаточной разработанностью этой теории.

Таким образом, при исследовании законности и правопорядка в качестве самостоятельных и автономных от правового регулирования правовых явлений происходит наделение их свойствами правового регулирования. В действительности же все выглядит иначе. Законность является свойством правового регулирования и выражает его перманентное состояние. Правопорядок, с одной стороны, является целью правового регулирования, а с другой – выражает состояние общественных отношений (предмет правового регулирования), их упорядоченность.

Завершается исследование главой о юридической технике, которая рассматривается как средство выражения результатов правового регулирования.

Юридическая техника как совокупность средств, методов, способов и правил размещения правового материала на материальном носителе появилась еще во времена зарождения самого права. Сначала средства юридической техники находили свое отражение в обычном праве, затем в писаном на каменных стелах, глиняных дощечках, пергаментных свитках, в рукописных и печатных книгах.

В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой юридическая техника рассматривается как совокупность правил, приемов, способов и средств разработки, оформления, систематизации, толкования и применения наиболее совершенных по форме и содержанию нормативных правовых актов и других юридических документов и сводится главным образом к законодательной технике.

Наряду с этой дефиницией в литературе изложены и другие подходы к определению данного понятия. В частности, одни авторы признают юридическую технику, с помощью которой создаются только тексты нормативных правовых актов, другие выходят за рамки таких представлений и связывают существование юридической техники в правовой действительности с юридической деятельностью.

Существуют определения юридической техники в широком и узком смыслах. Сторонники широкого понимания этих понятий включают в их содержание процессуально-процедурные аспекты. Например, Т.В. Кашанина в содержание своего учебника включила главы следующего содержания: «Правотворческая процедура», «Опубликование и вступление в силу нормативных актов», «Толкование как вид юридической работы», «Техника толкования нормативных актов», «Техника ведения договорной работы», «Применение как тип осуществления права» [45]. Аналогичный подход имеет место и у Д.В. Чухвичева [46].

Подобные подходы представляются неправомерными в первую очередь из-за своей методологической невыдержанности. Не учитывается языковая природа юридической техники. Она – суть письменной речи в правотворчестве и реализации права.

Позиция широкого понимания юридической техники ведет к абсурду в науке: под это понятие попадают все виды юридического процесса (уголовного, гражданского, арбитражного, избирательного, бюджетного и т.п.). Кроме того, криминалистические средства и методы, а также тактические приемы производства следственных действий тоже подпадают под понятие юридической техники.

Законодательная техника является разновидностью юридической техники. Расширительное толкование данного понятия приводит к тому, что оно охватывает своим содержанием весь законотворческий процесс и связанные с ним аспекты. Реально же она находит свое выражение лишь в результатах этого процесса, т.е. в актах правотворчества.

С учетом данных обстоятельств юридическую технику можно определить как систему правил, приёмов, способов, средств проектирования, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учёта, в целях обеспечения их совершенства и повышения эффективности правового регулирования.

Целями юридической техники являются:

- структурирование правового материала;
- рационализация юридической деятельности;
- совершенствование языка правовых актов, чтобы они были более понятными, точными и грамотными;
- достижение определённой стандартности, унифицированности юридических документов с использованием всего инструментария юридической техники (средств, правил, приемов).

К средствам юридической техники относят юридические термины (словесное выражение понятий, используемых при изложении содержания правового акта) и юридические конструкции (специфическое строение нормативного материала, складывающееся из определенного сочетания прав, льгот, поощрений, обязанностей, запретов, приостановлений, наказаний и т.д.).

К правилам юридической техники относят: ясность и четкость, простоту и доступность языка правовых актов; сочетание лаконичности с необходимой полнотой, конкретности с требуемой абстрактностью выражения соответствующих правовых актов; последовательность в изложении юридической информации; взаимосвязь, согласованность и внутреннее единство правового материала.

К приемам юридической техники относят способы, фиксирующие официальные реквизиты (наименование правового акта, дата и место его принятия, подписи должностных лиц и т.п.), структурную организацию правового акта (вводная часть – преамбула, общая и особенная части, нумерация разделов, глав, статей, пунктов и т.д.).

Перечисленные средства, правила и приемы юридической техники теоретически обосновываются ее лингвистическими, логическими и конструктивными основами.

Как отрасль юридического знания юридическая техника конструктивно состоит из общей и особенной частей.

Общую часть составляют вопросы понятия юридической техники, истории становления ее инструментария и научных знаний о ней, классификация проявлений юридической техники в правовом регулировании; графические, логические и линг-

вистические основы юридической техники, а также ее правовой регламентации.

Особенная часть юридической техники определяется профилями юридического образования и должна изучаться после курса теории государства и права.

Таким образом, проведенное исследование позволило автору выявить новую парадигму теории государственно-правового регулирования общественных отношений, а следовательно и логику изложения материала в учебниках по теории государства и права, касающегося динамики права. Содержание теории государственно-правового регулирования определяется по следующей структуре:

«Глава 1. Социальное регулирование, понятие и механизм правового регулирования: §1. Социальное регулирование; §2. Понятие правового регулирования, его способы, методы и типы регулирования, а также обусловленные ими правовые режимы; §4. Толкование права как инструмент правового регулирования; §5. Понятие механизма правового регулирования;

§6. Понятие и виды правоотношений в правовом регулировании

Глава 2. Правотворчество как первый этап правового регулирования: §1. Понятие правотворчества и его соотношение со смежными понятиями;

§2. Виды правотворчества

Глава 3. Реализация права как заключительный этап правового регулирования и его формы: §1. Понятие и формы реализации права; §2. Применение права как особая форма реализации права; §3. Юридические презумпции, фикции и преюдиции в применении норм права; §4. Негативные факторы в применении права: пробелы в законодательстве и способы их преодоления, юридические коллизии, их виды и способы разрешения.

Глава 4. Правомерное поведение, правонарушение и юридическая ответственность в правовом регулировании: §1. Понятие правомерного поведения и его виды; §2. Понятие правонарушения, его состав и отграничение от смежных понятий; §3. Понятие, виды и механизм юридической ответственности.

Глава 5. Законность и правопорядок как состояние, цель и результат правового регулирования: §1. Законность как состояние правового регулирования; §2. Правопорядок как цель и результат правового регулирования общественных отношений

Глава 6. Юридическая техника как средство отражения результатов правового регулирования: §1. Понятие юридической техники и ее связь с другими отраслями

юридического знания; §2. Общая характеристика инструментария юридической техники: лексические основы юридической техники, логические и конструктивные основы юридической техники; §3. Классификация проявлений юридической техники в правовом регулировании».

Список литературы

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развращенного строительства коммунизма. – М., 1961. С.188-195; Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966; Горшенев В.М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. – М., 1963; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М., 1961.
2. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С. 483-505.
3. Сырых В.М. Теория государства и права. – М., 1998. – С.128-129.
4. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – С. 209.
5. Алексеев С.С. Указ. Соч. – С. 216.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 1982. – Т.2. – С. 26.
7. См., например: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С.34; Он же. Проблемы теории права: Курс лекций в 2-х т. Свердловск, 1972. Т.1. – С.156; Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. – М., 1979. – С. 283.
8. Общая теория права и государства /Под ред. В.В. Лазарева. – С. 308.
9. Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. /Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. – Т.2. – С.439.
10. Теория государства и права / Под ред. В.М.Корельского и В.Д. Перевалова. – М., 1997. – С. 267-268.
11. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996. – С. 166-167.
12. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976. – С.204.
13. Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 1981. – Т.1. – С. 306.
14. Теория государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С.298-299.
15. Бабаев В.К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах. Горький, 1990. С.29.
16. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С.135.
17. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1996. – С. 286.
18. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрист, 2004 – 512 с.
19. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. проф. – М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С.483-505.
20. Там же.
21. Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. – 2000. – N 7. – С. 11; Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. – М., 2005. С. 119–128; Волкова Н.С., Хабриева Т.Я. Правовые позиции Конституционного Суда РФ и парламент. – М., 2005. С. 34; Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: теоретические основы и практика реализации судами России. – М., 2006. С. 24; Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции (вступ. ст.) // Комментарий к постановлениям Конституционного Суда РФ / Отв. ред. Б.С. Эбзеев. – М., 2001. Т. 1. – С. 24 – 25.
22. Лазарев В.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. 2-е изд. 2008. – С. 4.
23. Определение Конституционного Суда РФ от 8 октября 1998 г. N 118-О «По жалобе гражданки Головановой Людмилы Александровны о нарушении ее конституционных прав положением абз. 1 ч. 7 ст. 19 Закона РСФСР «О милиции».
24. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. – М.: «Юрист», 2004. – С. 316.

25. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – С. 215.
26. Дорожиев Ж.Б. Теория государства и права. Улан-Уде: Изд-во ВСГТУ, 2005. – 345 с.
27. Абуллаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений / М.И. Абуллаев. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – С. 194.
28. Скиндрев Р.В. Объективное и субъективное в праве: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2006. – С.111-161.
29. Гревцев Ю.И. Проблемы теории правоотношения. – Л., изд. ЛГУ, 1981-352 с.; Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. – М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С.263-280.
30. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. – М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С.269.
31. Абуллаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений / М.И. Абуллаев. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – С.283.
32. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. – М.: Независимое издательство «Манускрипт», 1994. – 230 с.
33. Кушнир И.В. Теория государства и права (электронная версия – be5.biz> Теория государства и права) / Протасов В.Н. Проблемы права и государства: Вопросы и ответы. – М.: Новый Юрист, 1999. – 240 с.; Дорожиев Ж.Б. Теория государства и права: Учебник. Улан-Уде Издательство ВСГТУ, 2005. – 345 с.
34. Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации (электронная версия – fictionbook. Ru>author. ...mosin/presumpcii ...principi...); Треушников М.К. Судебные доказательства. – М., 1997. – 320 с.
35. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Автореф. Дис. Канд. юрид.н. Свердловский юридический институт. Свердловск, 1969. – 24с.; Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: Учебное пособие. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.
36. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. – С. 198.
37. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. – С.10; Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов, 1977. – С. 332.
38. Витрук Н.В. Законность, понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // Общая теория государства и права. Академический курс. Т.2 / Под ред. – М.Н. Марченко. – М., 1998. – С. 15.
39. Кудрявцев В.Н. Законность: содержание и современное состояние // Законность в Российской Федерации. – М., 1998. – С. 4.
40. Иофе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., Государственное изд-во «Юридическая литература», 1961. – С. 288.
41. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрист, 2004. – С.348.
42. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов, 1977; Котляревский Г.С. Правовой порядок в социалистическом обществе. Автореф. Канд. диссертации. – М., 1966; Мураметс О.Ф., Шамба Т.М. Правовой порядок в развитом социалистическом обществе. – М., 1979; Саванели Б.В. Правовой порядок и юридическая практика. Тбилиси, 1981; Шамба Т.М. Демократизм советского правового порядка: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – М., 1985.
42. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах Под ред. проф. – М.Н. Марченко. Том.2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С.533-534.
43. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С.539.
44. См.: Тихомиров Ю.А. Теория закона. – М., 1982. С.213.
45. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. – М.: Эксмо, 2008. – 512 с.
46. Чухвичев Д.В. Законодательная техника: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция» / Д.В. Чухвичев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. – 239 с.